

РЕЦЕНЗИЯ

на научно-квалификационную работу аспиранта

Аспирант – Алексеева Алина Сергеевна

Направление подготовки 45.06.01 – Языкознание и литературоведение

Направленность (профиль) – 10.02.03 «Славянские языки»

Форма обучения – очная

Тема исследования: Отреченная словесность в восточно- и южнославянских рукописях XI–XVIII вв.: языковая вариативность и коммуникативные стратегии

Научно-квалификационная работа Алины Сергеевны Алексеевой посвящена рассмотрению палеографии, текстологии и языка «отреченных текстов», восходящих к греко-византийской традиции, но впоследствии адаптированных на славянской почве и ставших частью южнославянской и восточнославянской книжных традиций. Первая глава представленной на обсуждение работы посвящена подробному разбору южнославянских списков Сисиниевой легенды (относящихся к так называемому «Михаил-типу»), вторая глава – рассмотрению «Указа о проскурмисании святым трем исповедником: Гурию, Самону и Авиву», авторство которого приписывают новгородскому архиепископу Иоанну III, во время святительства которого в новгородском Софийском соборе произошло знамение от иконы свв. мчч. Гурия, Самона и Авива.

В своей работе Алина Сергеевна демонстрирует – помимо хорошего владения материалом, ставшее возможным благодаря ее непосредственной работе с рукописями и архивными источниками – знание лингвистических трудов, посвященных описанию отдельных изводов церковно-славянского языка (сербскому, болгаро-македонскому) различных периодов, а также исторической грамматики новгородского диалекта. Кроме того, исследовательница выступает как опытный палеограф, знакомый с различными графическими системами славянской письменности.

Текстологический анализ списков Сисиниевой легенды дает возможность автору выстроить их генеалогию. Отталкиваясь от классификации, предложенной в свое время Т.А. Агапкиной в ее работе «Сисиниева молитва у южных славян», Алина Сергеевна вносит в нее ряд изменений и делает ряд ценных замечаний. В частности, исследовательница отмечает особенный статус текста «Молитвы архангела Михаила против вештицы» из рукописного сборника XVII века библиотеки Румынской академии (Хаш281), обращая внимание на его близость спискам первой ветви (а не к группе С) и –

главное – к самому раннему из известных греческих памятников, написанному на свинцовой табличке VIII века, хранящемуся в Кипрском археологическом музее (GI). Факт, несомненно, привлекающий к себе интерес в свете греко-славянских штудий.

Настоящим украшением работы Алины Сергеевны стала часть 1.4., посвященная тщательнейшему рассмотрению самого древнего южнославянского списка Сисиниевой легенды – надписи на свинцовом амулете из коллекции Археологического музея Варны. Анализ палеографических и лингвистических особенностей записи позволил автору предложить альтернативное, надежное и перспективное прочтение амулета и реконструкцию испорченных мест с сохранением особенностей письма. Крайне любопытной также представляется авторская гипотеза о существовании протографа, происходящего из другого региона Южной Славии, что могло бы объяснить совмещение в одном памятнике орфографических черт разных изводов (стр.32). Несомненно, статья Алины Сергеевны «Возвращаясь к амулету из Варны: что сказала вештица?» подготовленная для публикации в *Palaeobulgarica*. Старобългаристика, будет встречена с большим интересом в научной среде.

Не подвергая сомнению выводы, которые автор делает в этой главе, позволим себе небольшое критическое замечание. Оно касается словосочетания *мышьца висока*, в котором Алина Сергеевна совершенно справедливо видит греческую кальку с *βραχίων ύψηλός* (в частности, из греческого текста СМ «Клянусь око[м] неусыпным и **высокой мышцей**, что говорю правду [---] [---] не лгу»). Фразу из варнского амулета **тако ми ни мищѣ высокѣ** автор трактует как **Пусть не будет у меня сильной руки!**, и делает вывод, что «именно ПопКр сохраняет исходный смысл клятвы <...> Демоница зарекается вредить людям, дабы не потерять самое важное: зрение и физическую силу. В славянском списке сохранен лишь один элемент, но клятва приобретает большую экспрессию за счет синтаксиса с эллипсисом <...>» (С.29-30). Однако, в греческом тексте речь идет совсем о другом. Начать надо с того, что сочетание *βραχίων ύψηλός* (букв. – мышца высокая), встречается уже в Ветхом Завете (Κύριε, ύψηλός σου ó βραχίων, καί οὐκ ᾔδεισαν· Господи, вознесена Твоя рука, но они не видят ее. Исайя 26:11) и в дальнейшем приобретает устойчивое значение ‘божественная сила’. Невозможно представить, чтобы *βραχίων ύψηλός* употреблялось для описания демона. Кроме того, фиксируются развернутые варианты формулы типа «клянусь тронем Бога, неусыпным оком и высокой мышцей» (PR1, СБК2), что лишний раз доказывает, что демоница вовсе не клянется своим здоровьем, а призывает в свидетели Бога, перечисляя его атрибуты – трон, силу, всезнание и т.д. Таким образом, прочтение «Пусть не будет у меня сильной руки!» не отражает исходный смысл греческой клятвы, которая – как мы видим – понимается как «Призываю

в свидетели Бога» и, следовательно, авторское утверждение, приводимое выше, необходимо скорректировать.

Другое замечание (и одновременно вопрос) гораздо серьезнее и касается значения термина «архетип», которым исследовательница оперирует в своей работе. Уже во Введении (стр.3) реконструкция архетипа указана в качестве одной из задач исследования. При этом читатель не знает, понимается ли под этим один текст или несколько архетипов групп списков и редакций, на основании которых позднее будет реконструироваться общий архетип; что именно представляет собой реконструкция и проч. Далее, на стр. 13–14 при анализе рукописи НБС113 Алина Сергеевна замечает, что НБС113 «сохраняет чтения архетипа (например, палица при отсутствии лексемы с корнем гвозд-, инновации в части списков; лексема *мышьца* в клятве)»; на стр. 19–20 упоминаются «архетип первой ветви» и «архетип второй ветви» и отдельные характерные для них мотивы, однако, так до конца и непонятно, о каких именно реконструкциях идет речь (и возможны ли они в принципе?). Во второй главе на стр. 53 автор приводит восстановленный архетип молитвы святым исповедникам «в упрощенной орфографии в внесении пунктуации и расстановкой заглавных букв», а на стр. 67, анализируя употребление одних и тех же глаголов – *погънати* и *свѣзати* – в южнославянских текстах и в древнерусской молитве, выдвигает предположение, что «замена представленного в греческом оригинале ряда глаголов, выстроенных по степени направленности к результату (преследовать — настигать — опережать), была осуществлена уже в архетипе самого перевода, а не на русской почве», таким образом выделяя древнерусский архетип и архетип перевода. Такое разнообразие «архетипов» вызывает у читателя, в особенности же у неподготовленного читателя, некоторое замешательство и ставит под сомнение правильность реконструкции, поскольку не совсем ясно что именно реконструирует автор. Представляется полезным во введении дать самые общие сведения об архетипе / архетипах, как его понимает исследовательница, а впоследствии отдельно остановится на реконструкции (если уж она относится к числу первоочередных задач исследования).

Отдельного упоминания заслуживает язык, которым написана работа. Незначительные речевые ошибки не снижают ее научной значимости и будут устранены при подготовке окончательного текста. Алина Сергеевна проделала большую и тщательную работу, перспективы ее исследования – очевидны.

Представленная научно-квалификационная работа соответствует установленным требованиям. Рекомендуемая оценка «Отлично».

Рецензент – к.ф.н., н.с. отдела этнолингвистики и фольклора Института
Славяноведения РАН Чёха Оксана Владимировна.

Чёха О.В.

